5.5.1 История и теория политики (политические науки)

History and Theory of Politics

DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-4-16-26
УДК: 323
ГРНТИ: 11.01
EDN: JGKLBE

Национально-государственная идентичность в контексте глобального противостояния: проблема устойчивости социальных систем

О.Ф. Шабров ©

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: oshabr@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема национально-государственной идентичности как одной из опор, наряду с государством обеспечивающей устойчивость современных социальных систем. Показано, что национально-государственная идентичность формируется, прежде всего, на основе общности духовных ценностей, разделяемых большинством членов общества. Ценности эти принадлежат, в свою очередь, сферам культуры и идеологии. Роль этих сфер неодинакова. Функцией культуры является накопление и воспроизводство ценностей путем их передачи от поколения к поколению как представлений о должном и табу, давших преимущества общественной системе и ее членам в выживании и развитии. Идеологические же ценности – это привлекательные цели, проект общественно-государственного устройства, отражающий интересы социальных групп. Устойчивость общественных систем и национальных государств возможна при условии, что идеологические ценности не вступают в противоречие с ценностями культуры. В современных условиях процесс воспроизводства ценностей культуры затруднен рядом глобальных причин, а сами эти ценности стали объектом деструктивного идеологического воздействия со стороны как соперничающих государств, так и глобальных элит. Роль государственной культурной политики и государственных идеологий вышла на передний план в вопросе обеспечения устойчивости национальных государств и соответствующих социальных систем. В заключении на российском кейсе в самом общем виде сформулированы условия эффективности этой политики.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, духовные ценности, культура, идеология, глобальные факторы, государственная политика, устойчивость, Россия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шабров О.Ф. Национально-государственная идентичность в контексте глобального противостояния: проблема устойчивости социальных систем // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 4. С. 16–26. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-4-16-26. EDN: JGKLBE

DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-4-16-26

National-State Identity in the Context of Global Confrontation: The Problem of the Stability of Social Systems

O.F. Shabrov ©

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation

E-mail: oshabr@mail.ru

Abstract. The problem of national-state identity is considered as one of the pillars, along with the state, ensuring the stability of modern social systems. It is shown that the national-state identity is formed, first of all, on the basis of the commonality of spiritual values shared by the majority of members of society. These values belong, in turn, to the spheres of culture and ideology. The role of these areas is not the same. The function of culture is the accumulation and reproduction of values through the transfer from generation to generation of values as ideas of what is due and taboo, which gave advantages to the social system and its members in survival and development. Ideological values are attractive goals, a project of a social and state structure that reflects the interests of social groups. The stability of social systems and nation-states is possible provided that ideological values do not conflict with the values of culture. In modern conditions, the process of reproduction of cultural values is hampered by a number of global reasons, and these values themselves have become the object of destructive ideological influence on the part of both rival states and global elites. The role of state cultural policy and state ideologies has come to the fore in the issue of ensuring the sustainability of nation states and the corresponding social systems. In conclusion, the conditions for the effectiveness of this policy are formulated in the most general form.

Key words: national-state identity, spiritual values, culture, ideology, global factors, public policy, sustainability, Russia

FOR CITATION: Shabrov O.F. National-State Identity in the Context of Global Confrontation: The Problem of the Stability of Social Systems. *Sociopolitical Sciences*. 2023. Vol. 13. No. 4. Pp. 16–26. (In Rus.) DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-4-16-26. EDN: JGKLBE

ВВЕДЕНИЕ. ОБОЗНАЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Практика последних десятилетий обозначила принципиально новые подходы национальных и транснациональных элит к реализации своих интересов. Завершение очередного цикла мировой гегемонии и появление нового центра силы, Китая, в качестве реального конкурента США в борьбе за глобальное доминирование сопровождается естественной в этой ситуации борьбой за передел сфер влияния. В условиях превысившей допустимые пределы антропогенной нагрузки на планету борьба эта, с одной стороны, приобретает особую остроту, а с другой, – ведется с учетом наличия у противоборствующих сторон и их союзников ядерного оружия, а также их заинтересованности в минимизации ущерба природной среде. Естественным в этих условиях является стремление минимизировать использование привычных средств вооруженной борьбы в пользу уже отработанных на практике способов ослабления стран-соперников путем, в том числе, разрушения их внутренней сплоченности. Основным объектом агрессивного воздействия становится национально-государственная идентичность, ставшая в период индустриализации, наряду с государствами, одним из главных факторов устойчивости социальных систем. В качестве стороны-агрессора выступают при этом не только национальные, но и транснациональные элиты, пытающиеся ослабить страны-объекты изнутри. В числе последних – и наиболее могущественные стороны межгосударственного противостояния. Подтверждением тому – межрасовые конфликты в США и межэтнические конфликты в странах Западной Европы.

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Современные общественные системы, возникшие в ходе индустриализации, разрушившей существовавшие ранее формы господства, принципиально отличаются от предшествовавших форм ролью народа в поддержании их устойчивости. Государства, тысячелетиями служившие опорой социальных систем, утратили роль единственного фактора, скрепляющего общества. Для устойчивости общественных систем стала необходимой ее деятельная поддержка самим народом, выступающим в качестве относительно сплоченного целого, нации. Сплоченность эту можно охарактеризовать понятием национально-государственной идентичности, чувством принадлежности человека к нации-государству, условной формулой Я = Мы.

Формирование национальной идентичности берет начало, разумеется, задолго до появления современных общественных систем. Некоторые историки относят начало ее формирования, например, на Руси к IV–V вв. [Лобазова, Давыдов, 2016]. Вначале она не была, однако, столь существенным фактором устойчивости государств и обществ. Например, сформировавшееся уже тогда чувство национального единства не помешало Руси под влиянием разлада в государственных верхах после ухода из жизни Ивана IV фактически потерять государственный суверенитет. До эпохи модерна не было проблемы идентичности. Только в процессе индустриализации, разрушившей традиционные формы господства, сформировались принципиально новые отношения между государством и обществом. Появился новый, помимо государства, фактор устойчивости социальных систем, – сформировавшееся у людей чувство принадлежности этим обществу и государству, готовности за них постоять, – национально-государственная идентичность.

Этот переход был отрефлексирован уже в трудах мыслителей эпохи Просвещения. «Каждый из нас, – писал, например, Ж.-Ж. Руссо о главном принципе общественной системы этой эпохи, – передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого» [Руссо, 1998: 208]. При этом «основанием общественного соглашения, – считал он, – является собственность, и его первое условие состоит в том, чтобы каждому обеспечивалось мирное пользование тем, что ему принадлежит» [Там же: 184].

Со временем, однако, представление об основном факторе, сплачивающем общественную систему, сместилось из материальной в духовную сферу. Известный французский социальный психолог прошлого столетия Г. Лебон называл этот фактор душой народа и считал, что «с того времени, как она исчезает, народы распадаются» [Лебон, 1995: 11]. А советский и российский философ и культуролог А.А. Пелипенко иронично отмечал, что «причины кризисов и упадков тех или иных цивилизаций, первым делом, ищут в области экономики, производства и технологий. И немало удивляются, обнаруживая, что кризисы, упадок и разрушение нередко настигают общества в эпохи их экономико-технологического и военного расцвета» [Пелипенко, 2014: 37]. Распад СССР стал еще одним подтверждением этих слов. Необходимым условием существования общества стала, помимо государства, самоидентификация основной части граждан с государством и нацией, обществом в целом, – национально-государственная идентичность, основанная на общности духовных ценностей.

В понятии этом заложена существенная двойственность: идентичность «национальная» и «государственная». При всем разнообразии подходов к их определению можно в самом общем виде сказать, что национальная идентичность представляет собой идентификацию, самоотождествление человека, группы с народом страны, а государственная – с государством, институтом управления делами страны и народа. Двойственность эта превращается в большую социальную проблему, когда две эти составляющие вступают в противоречие. Ожесточенность гражданских войн, сопровождавших многие политические революции, связана со столкновением этих идентичностей, когда патриоты своей страны, в равной степени идентифицирующие с ней себя, оказывались по разные стороны баррикад, разделялись на непримиримо враждующие лагеря на почве различия своих государственных идентичностей. Примеры тому – американская революция 1765–1783 гг., французская революция 1789–1799 гг., революция первой половины XX в. в Китае, Октябрьская революция в России и другие.

ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА, ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Основу национально-государственной идентичности составляет общность духовных ценностей, разделяемых – осознанно или неосознанно – большинством членов общества. Ценности эти, понимаемые как значимые для человека и общества внутренние императивы, принципы, идеи, можно разделить на две существенно разные группы: унаследованные от предков и проект будущего. Эту двойственность фундамента национальной идентичности глубоко обосновал французский философ Э. Ренан: «Нация – это душа, духовный принцип. Две вещи, являющиеся в сущности одною, составляют эту душу, этот духовный принцип. Одна – в прошлом, другая – в будущем. Одна – это общее обладание богатым наследием воспоминаний, другая – общее соглашение, желание жить вместе, продолжать сообща пользоваться доставшимся неразделенным наследством»[1]. Духовные ценности, сформировавшиеся опытом предшествующих поколений, являющиеся наследием прошлого, принадлежат национальной культуре; ценности же, из которых складывается цель, проект желаемого будущего, – идеологии.

Не все авторы придерживаются такого мнения о разделении сферы духовных ценностей на культурную и идеологическую составляющие. Некоторые исследователи вообще отождествляют идеологию и культуру. «Культура сегодня, – пишет, например, советский и российский философ А.Л. Маршак, – и есть идеология, способ возрождения национальной идеи. Фундаментальные ценности культуры – идеологические ценности, потому что культура воплощает в себе национальное сознание и самосознание народа, историческую ответственность перед человечеством» [Маршак, 2017: 505]. Другие рассматривают идеологию как часть культуры [Воеводина, 2010; Артамонова, Осьмачко, 2018; Флиер, 2020]. И это при том, что можно, думается, считать общепринятым взгляд на культуру как на опыт предшествующих поколений, а идеологию – как цель, проект будущего.

Разделение духовных ценностей на две сферы – идеологии и культуры – представляется важным как в концептуальном, так и в прикладном отношении для понимания соотношения их ролей в формировании идентичностей. Ценности культуры, несущие

[1] *Ренан Э.* Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11-го марта 1882 года // ХРОНС: Всемирная история в интернете. URL: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php (дата обращения: 18.07.2023).

в себе представления о должном и табу, покоятся, как отмечал известный психоаналитик З. Фрейд, «…на результатах вытеснения (в подсознание, – *О.Ш.*) предшествующих поколений» [Фрейд, 1992: 191]. На их формирование должно уйти время, соизмеримое с жизнью нескольких поколений, необходимое для укоренения в подсознании тех норм, которые дают преимущество обществу и его членам в выживании и развитии. Идеологические же ценности – это привлекательный проект, конструкт, являющийся продуктом сознательного творчества интеллигенции и содержащийся в сфере осознаваемого. Можно поэтому сказать, что ценности культуры принадлежат в большей степени ментальной, а идеологии – актуальной части человеческого сознания. Да и вырабатываются они в двух разных подсистемах общественных систем. В соответствии, например, с моделью социальной системы американского социолога Т. Парсонса, «воспроизводство образца» является функцией подсистемы культуры, а целедостижение – проект и его реализация – подсистемы политики [Парсонс, 1997: 24].

Роль культуры в формировании и функционировании социальных систем имеет первостепенное значение. По мнению известного отечественного физика, разработавшего модели динамики населения планеты С.П. Капицы, «распространение и передача информации – технологий и знаний, обычаев и культуры, религии и, наконец, науки – путем необратимой и разветвленной цепной реакции есть то, что качественно отличает человека и человечество в своем развитии… Таким образом реализуется единственный, специфический для человека способ развития человечества, ведущий к организации и самоорганизации общества» [Капица, 2004: 46]. Представляется неоспоримым, что именно культура в широком значении этого понятия, включая науку и технологии, дала человеку не просто преимущество в ходе естественного отбора, но позволила ему всего за несколько десятков тысяч лет эволюции стать высшей формой жизни на Земле. Строго говоря, разум стал для наших далеких предков лишь инструментом для накопления информации за пределами его биологического тела, – не только в генах, но и в социальной памяти, которую мы называем культурой в широком смысле этого слова. Так что правильнее было бы называть человека не *homo sapiens*, а *homo cultural*. Отсюда следует, что разрушение культуры, «раскультуривание» равнозначно разрушению, деградации человека и социальных систем.

Но и в узком смысле, как совокупность унаследованных от прошлых поколений духовных ценностей, культура играет первостепенную роль в формировании и функционировании человеческих сообществ. Только они обладают способностью передавать из поколения в поколение эти ценности, обогащая их опытом каждого последующим поколения. Это стало возможным благодаря свойственным только человеку почитанию предков, уважению предшествующих поколений. Без этого были бы невозможными ни накопление знаний и навыков, ни формирование устойчивых представлений о должном и табу, которым люди следуют бессознательно. Именно общность образцов лежит в основе этнической идентичности и этнических, а также национальных сообществ.

Идеология же – это проект будущего. Различий в определениях этого понятия немало. Российский политический психолог А.В. Селезнёва дала краткий, но достаточно емкий обзор сложившихся подходов к пониманию политической идеологии в структуре общественного сознания. На основании их обобщения она определила ее как систему «артикулированного и ориентированного на практическую реализацию комплекса идей о целях развития общества, представлений о власти, государственном устройстве и способах их регулирования» [Селезнёва, 2017: 366]. При всем разнообразии определений политической идеологии, в большинстве из них содержатся представления о должном, о цели, проект.

Но наряду с проектом в политических идеологиях важно видеть и другой ракурс, социально-экономический. На него не всегда обращают внимание, хотя он, по нашему мнению, принципиально важен, – в том числе, при рассмотрении проблемы национально-государственной идентичности. Интересное и одно из немногих в последние десятилетия исследований проблемы взаимосвязи идеологии и экономических интересов представлено в одной из недавних публикаций российского социолога и экономиста С.Г. Кирдины-Чэндлер [Кирдина-Чэндлер, 2022]. Идеологию она рассматривает во взаимосвязи с экономическими интересами и определяет, со ссылкой на Новую философскую энциклопедию, как систему «концептуально оформленных представлений и идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов» [Новая…, 2001: 81]. На самом деле идеология не всегда представляет собой систему и еще реже бывает концептуально оформлена. Но если под субъектами понимать социальные группы, то в этой формулировке можно увидеть главное: интересы. Идеи и ценности, проекты и цели, содержащиеся в идеологии, отражают интересы различных социальных групп.

Ни в одной общественной системе нет равенства между существующими в нем социальными группами по степени влияния на государственное управление и политику. И государственные решения принимаются под влиянием наиболее влиятельных групп, в соответствии с их идеологией. Более того, любое государство – это идеологический проект, реализованный определенной социальной группой (или группами) в результате революции или постепенных преобразований. В этом смысле любое государство можно рассматривать как идеологию, опредмеченную в актах юридического права, включая конституцию.

Одна из основных проблем национально-государственной идентичности, а, следовательно, – устойчивости общественной системы, включая государство, – состоит в соответствии ценностей государственной идеологии, зафиксированных в нормах юридического права, ценностям культуры данного общества, праву обычному. Их несоответствие неизбежно влечет за собой кризис государственности, а вместе с ней и социальных систем. При этом роль сторон в дихотомии «культура – идеология» неодинакова. Воспроизводство из поколения в поколения ценностей культуры равнозначно воспроизводству объединенных на их основе сообществ. При этом опыт новых поколений может утвердиться в качестве новых ценностей культуры и быть

вытесненным в подсознание только при условии, что эти ценности подтвердят нескольким последующим поколениям преимущества в развитии сообщества и его членов.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ КРИЗИСА НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Между тем современный мир становится все менее благоприятной средой для воспроизводства «культурных матриц», а вместе с ними – национально-государственной идентичности общественных систем. Причина этому – целый ряд факторов объективного и субъективного характера, носящих глобальный характер.

К числу объективных факторов необходимо отнести радикальное ускорение хода истории и сокращение продолжительности технологических циклов, затрудняющие культурное наследование. Именно со сжатием «исторического времени» правомерно связывают исследователи мир-системной динамики «кризис сознания, как отдельной личности, так и общественного сознания, кризис культуры, морали и нравственности» [Куркина, Князева, Куретова, 2013: 41]. Опыт старшего поколения представляется молодежи малоприменимым в окружающем ее мире и все менее заслуживающим подражания.

Существенное негативное влияние на «воспроизводство образца» оказывает еще один глобальный фактор, – сети интернет. По мере того, как межчеловеческие отношения перемещаются в виртуальное пространство, область реальных отношения сужается, – а вместе с этим сужается и сфера реальной социализации, без которой невозможно усвоение сплачивающих общественную систему социальных ценностей. Испанский социолог М. Кастельс правильно отметил, что в виртуальном пространстве «доминантные ценности и интересы конструируются безотносительно к прошлому или будущему, во временном ландшафте компьютерных сетей и электронных средств коммуникации, где все выражения или мгновенны, или лишены предсказуемой последовательности» [Кастельс, 2000: 504].

В этой связи нельзя не обратить внимание на использование не только в публицистической, но и в научной литературе понятий интернет-культуры, цифровой культуры и т.п. К примеру, авторы одной из таких публикаций относят к интернет-культуре не только знания о среде интернет, способность и навыки работы в ней, но даже совокупность «ценностей, норм в отношении использования интернет-ресурсов» [Пихтелёв, Шурманов, 2020: 205]. Разумеется, к культуре в ее общепринятом научном понимании, как совокупности унаследованных от предшествующих поколений духовных ценностей, такая «культура» никакого отношения не имеет и не может служить одной из предпосылок национально-государственной идентичности.

Еще одной, отчасти объективной, причиной ее разрушения можно считать массовую миграцию населения. Возникающие при этом проблемы идентичности и связанные с ними проблемы социальных конфликтов анализируются, например, в одном из докладов Международной организации по миграции (IOM)[2]. Обстоятельный анализ сопровождается многочисленными рекомендациями. Как показала практика последних лет, рекомендации эти решению проблем не помогли, в том числе и в странах Европы[3]. В 1990-е гг. прошлого столетия С. Хантингтон прогнозировал, что теперь наибольшую угрозу для стабильности будут представлять конфликты не между государствами, а между «государствами или их группами, относящимися к различным цивилизациям» [Хантингтон, 2003: 40]. Сегодня в результате массовой миграции «столкновения цивилизаций» все больше становятся внутренним делом государств-реципиентов.

Проблема массовой миграции обнажает ряд взаимосвязанных, порождающих не только ее, а также более общих и не только объективных проблем. Первая, это – передел сфер влияния в условиях завершения очередного цикла мировой гегемонии. Вторая – естественная в условиях этого передела борьба за природные ресурсы, принявшая особо острый характер из-за превысившей допустимые пределы антропогенной нагрузки на природу. В дополнение к этому стало уже явным влияние глобальных элит, интересы которых не связаны с интересами конкретных стран. Они навязывают свои правила игры суверенным государствам, включая не только страны «мировой периферии», но и крупнейшим мировым державам.

Наглядным примером может служить беспрецедентная острота борьбы за пост Президента США, где явно столкнулись интересы национальных и глобальных элит. Придя к власти в 2016 г., Д. Трамп денонсировал подписанный Б. Обамой договор о Транстихоокеанском партнерстве, которое американские эксперты охарактеризовали как транснациональный корпоративный переворот. Договор предусматривает радикальное расширение прав транснациональных корпораций (ТНК), в том числе, – упрощение процедур, связанных с трудовой миграцией, снижающей цену труда. На случай же конфликта между ТНК и органами государственной и местной власти стран-подписантов договор предусматривает отдельную систему правосудия, включающую внесудебные специальные трибуналы (*extra-judicial special tribunals*)[4]. С приходом же к власти Дж. Байдена введенные Д. Трампом ограничения на трудовую миграцию были отменены. Как и в других странах[5], ценности культуры, а вместе с ними национально-государственная идентичность, отошли на второй план, уступив место интересам глобальных игроков.

---

[2] Доклад о миграции в мире 2020 // ION un migration. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf (дата обращения: 18.07.2023).

[3] *Хорева Е.Е.*, *Бакшеева А.Р.* Внешняя миграция в странах Западной Европы как фактор кризиса национально-государственной идентичности // PolitBook. 2019. № 3. С. 112–125. URL: https://politbook.online/images/pdf/PolitBook2019_Issue_3.pdf (дата обращения: 18.07.2023).

[4] *Monbiot G.* This transatlantic trade deal is a full-frontal assault on democracy // Theguardian, November 4, 2013. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2013/nov/04/us-trade-deal-full-frontal-assault-on-democracy (дата обращения: 18.07.2023).

[5] На сегодняшний день под договором стоят подписи 11 государств, включая Канаду, Японию и др.

К числу названных факторов нельзя не добавить субъективный фактор разрушения национально-государственной идентичности, которая давно уже стала объектом целенаправленного деструктивного воздействия. Автором соответствующей стратегии, так называемой Soft Power, является Дж. Най, бывший заместитель министра обороны и председатель Национального разведывательного совета США. Смысл этой стратегии, по сути дела, состоит в разрушении идентичности страны-противника: «Некая страна может получить результаты, которых она желает достичь в мировой политике, потому что другие страны восхищаются ее ценностями, подражают ей, вдохновляются уровнем ее благосостояния и открытости – хотят следовать за ней… Эта гибкая власть – понуждение других хотеть результатов, которых вы желаете получить» [Най, 2006; 30]. Речь идет прежде всего о воздействии на сознание народов средствами массовой культуры.

Но не следует думать, что в стратегии Soft Power объектом воздействия являются только массы. Разумеется, так называемой «поп-культуре» отводится в ней существенная роль. Не меньшее значение придается при этом и влиянию на политическую элиту, – через различного рода личные контакты, культурный обмен, образование и другие форматы. В качестве одного из примеров Дж. Най приводит историю А.Н. Яковлева, – казалось бы, из крестьянской семьи, бывшего фронтовика, члена КПСС с 1944 г., – он в 1958 г. учился в Колумбийском университете вместе с американским политологом Д. Труманом и в результате стал в конце 1980-х гг. секретарем ЦК КПСС по идеологии и главным идеологом перестройки. «“Привлечение” и гибкая власть, – писал по этому поводу Дж. Най, – которые “произрастали” из культурных контактов среди элит, внесли важный вклад в достижение целей американской политики» [Най, 2006: 79].

Став на десятилетия существенной частью внешнеполитической стратегии США, сегодня Soft Power взята на вооружение и глобальными элитами, использующими ее уже для разрушения культурных ценностей европейских стран и самих США.

ГОСУДАРСТВО И НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ. РОССИЙСКИЙ КЕЙС

В условиях, когда национально-государственная идентичность, составляющая одну из основ современных социальных систем, испытывает на себе неблагоприятное влияние как объективных глобальных факторов, так и целенаправленного воздействия глобальных элит и конкурирующих государств, неизмеримо возрастает роль государства в компенсации этого неблагоприятного воздействия. Ее успешная реализация требует скоординированного решения многоплановых задач, связанных с политикой в сферах образования, социализации, трудовой миграции и других. Ограничимся рассмотрением проблемы национально-государственной идентичности сквозь призму содержания и соотношения ценностей идеологии и культуры: от этого во многом зависят суверенитет государств и само существование общественных систем.

Ценности идеологии могут становиться фактором сплочения вокруг общих целей. Если ценности эти соответствуют ценностям культуры, идеология становится дополнительным фактором не только консолидации, но и упрочения культурного основания национально-государственной идентичности, а вместе с ней – упрочения общественной системы и устойчивости государства. В противоположном же случае, когда идеология вступает в противоречие с культурой, она либо трансформируется, порой до неузнаваемости, подстраиваясь под ценности культуры, либо разрушает ее, становясь фактором неустойчивости государства и общества.

История российского государства является наглядным подтверждением этого. С конца XV в. Россия фактически была идеократическим государством. Формулы «Москва – Третий Рим», «Православие. Самодержавие. Народность», коммунистическая идеология, при всем их различии, содержали привлекательные и отвечавшие ценностям культуры идеи, которые консолидировали полиэтничную страну с непростыми межэтническими и межрелигиозными отношениями. Отказ от коммунистической идеологии без равноценной ей замены актуализировал ценности крупных, но более узких, в сравнении с обществом, этнических групп, имевших к тому же собственную государственность, – и некогда могучая держава усилиями политических лидеров, усвоивших западные ценности, распалась без видимого внешнего воздействия и особого противодействия масс.

Но в возникшей после крушения СССР новой России найти баланс между ценностями культуры и новой идеологии, реализуемой в политических практиках, не удалось. Демократические преобразования, осуществляемые в стране, забуксовали: институциональная структура, выстраиваемая по западным лекалам, стала функционировать не так, как в странах Запада. Многие авторы правильно усматривают причину в российской культуре. «Российские демократические институты не имеют ценностного либерального наполнения», – правильно отмечает, например, российский политолог В.А. Ачкасов [Ачкасов, 2001: 182]. А наш отечественный философ К.М. Кантор еще в середине 1990-х гг. рекомендовал политикам «преодолеть “коммунальность” (общинность. – *О.Ш.*) как основу доминирующего в России типа культуры» [Кантор, 1994: 4].

Что же касается путей такого «преодоления», «модернизации» культуры, то тут мнения разделились. Часть отечественных политологов полагает, что начинать надо с «исправления» культуры, и тогда новые институты заработают как на Западе. В их числе – М.Ю. Урнов, считающий необходимым «перенастроить» русскую культуру на демократический лад, преодолев содержащийся в ней «авторитарный синдром» [Урнов, 2011]. Другие, наоборот, предлагают начать с отлаживания демократических институтов, правильное функционирование которых нужную культуру и сформируют. Авторы экспертного доклада «Модернизация России как построение нового государства», подготовленного в период президентства Д.А. Медведева, предложили даже создать для управления модернизацией еще одну вертикаль, «модернизационную структуру» под руководством Президента РФ, предоставив Правительству РФ возглавить параллельную исполнительную власть, «регулярную бюрократию» для руководства решением

неотложных проблем. При этом «крайне важно, – считают авторы доклада, – чтобы модернизационные структуры не мешали регулярной бюрократии, а регулярная бюрократия – модернизационным структурам»[6].

В обоих случаях ценности российской культуры рассматриваются как препятствие на пути желаемой модернизации, которое необходимо устранить. Принципиальная проблема состоит, однако в том, что новые образцы культуры не могут сформироваться за время жизни одного-двух и даже трех поколений. И сформируются они, будут вытеснены в подсознание лишь при условии, что они докажут свои преимущества. Но практика уже неоднократно подтвердила, что на смену разрушенным базовым образцам, лежащим в основе воспроизводства общественных систем, идут идеологические ценности, совокупность которых неспособна заменить «культурную матрицу», которая не только сплачивает, но и делает устойчивым общество по отношению к чуждым ему внешним влияниям. Наглядным примером сплочения вокруг идеологических ценностей, разрушивших образцы культуры и сделавших страну манипулируемой со стороны внешних элит является современная Украина.

Развернувшаяся в текущем столетии очередная «мировая перестройка» убедительно демонстрирует несостоятельность представлений о западной цивилизации как вершине человеческого развития. На мировую арену вышли иные «вершины»: восточные культуры показали себя не только конкурентноспособными, но и во многом превосходящими по своим возможностям западные общественные системы. «Конец истории» в интерпретации американского политолога Ф. Фукуямы не состоялся. Более того, предназначенные поначалу на экспорт «универсальные» ценности прав и свобод человека, доведенные до абсурда, оказались усвоенными, прежде всего, самой западной цивилизацией. И сегодня мы являемся свидетелями того, как права общества становятся заложниками прав этнических, сексуальных и прочих меньшинств, а идеи «врожденных» прав человека и гендерного равенства, встроенные в юридическое право, становятся основанием для вторжения западных государств в интимные отношения внутри семьи.

Все это вновь актуализировало спор между российскими «почвенниками» и «западниками». Теперь же к ним присоединились исследователи, усматривающие в культуре народов России и евразийские ценности. Например, известный российский китаевед А.В. Виноградов, говоря прорубленном Петром Первым окне в Европу и его влиянии на российскую культуру иронично подмечает, что «…света из "прорубленного окна" хватило только на высшее сословие, которое восприняло европейскую культуру и формировало европейский вектор развития. Основная масса населения оставалась евразийской, далекой от европейских ценностей и норм» [Виноградов, 2019: 230].

Российская культура действительно имеет принципиальные особенности, которые проявляются и сегодня. Многовековые связи, добровольные и вынужденные, этих двух не только географических частей света, но и двух ментальных оснований – чувственного Востока и рационального Запада – предопределили двойственный, не имеющий аналога характер русского человека.

Особенную роль чувственного начала в отношениях между русскими людьми хорошо раскрыл русский философ И.А. Ильин, используя слово «любовь» фактически для обозначения чувства взаимной эмпатии, составляющей чувственную основу идентичности. «Без любви, – писал он, например, – русский человек есть неудавшееся существо. Цивилизующие суррогаты любви (долг, дисциплина, формальная лояльность, гипноз внешней законопослушности) – сами по себе ему мало свойственны. Без любви – он или лениво прозябает, или склоняется ко вседозволенности. Ни во что не веруя, русский человек становится пустым существом, без идеала и без цели. Ум и воля русского человека приводятся в духовно-творческое движение именно любовью и верою»[7]. В этих словах нетрудно обнаружить целый ряд смыслов, необходимых для понимания специфики русского характера.

Различие между русским человеком и человеком западным обнаруживается, прежде всего, в выстраивании отношений с другими. Рациональный западный человек объединяется в союзы в большей степени на рациональной основе. Русские же склонны объединяться, прежде всего, из потребности быть вместе, по «любви», нежели для получения выгоды или иного материального результата. На этом базируется традиционная русская общинность. Не случайно в России никак не приживается «брачный контракт», а собрания товариществ собственников жилья (ТСЖ), за редким исключением, если и проводятся, то формально, в лучшем случае опросом членов.

Подмечена и важная особенность в отношении к праву. Если западный рациональный человек склонен поступать, прежде всего, в соответствии с правом юридическим, то для русского человека важнее нормы обычного права, справедливости. И правильно отмечает И.А. Ильин, что без любви, без идеала, лишенный высоких смыслов русский человек, по природе своей правовой (в юридическом смысле) нигилист, утрачивает и внутренние нормы, регулирующие его поведение. Действующий больше «по справедливости», следуя праву обычному, нежели юридическому, он – в отличие от рационального западного человека не подверженный «гипнозу внешней законопослушности», – в той мере, в которой он утрачивает духовные регуляторы, утрачивает и социальные регуляторы вообще.

Прямое отношение к идентичности имеет еще одно важное отличие русского человека, нашедшее отражение в знаменитых строках А.С. Пушкина:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

[6] *Пономарев И.*, *Ремизов М.*, *Карев Р.*, *Бакулев К.* Модернизация России как построение нового государства // Полит.ру. URL: https://polit.ru/article/2009/10/29/mrkpng/ (дата обращения: 18.07.2023).

[7] *Ильин И.А.* О русской идее [Электронный ресурс] // Хронос: Всемирная история в интернете. URL: http://www.hrono.ru/statii/2009/ilin_rusidea.php (дата обращения: 18.07.2023).

Таблица 1

Содержательное наполнение «универсальных» западных ценностей в российской и западной культурах [Content of "universal" Western values in Russian and Western cultures]

Универсальные ценности [Universal values]	Российская культура [Russian culture]	Западная культура [Western culture]
Права человека [Human rights]	Право обычное (справедливость) [Common law (justice)]	Право юридическое [Legal rights]
Свобода [Freedom]	Служение группе, отчизне [Service to the group, homeland]	Возможность делать все, что не ущемляет свободу другого [The ability to do everything that does not restrict the freedom of another person]
Солидарность [Solidarity]	Идентичность группе, отчизне (общинность) [Group identity, homeland identity (communality)]	Общий интерес [Common interest]

Здесь великий русский поэт отразил присущее нашим людям представление о свободе как свободе служения отчизне, принципиально отличающееся от смысла этого понятия, сформулированного в статье IV Всеобщей декларации прав человека и гражданина, принятой Национальным учредительным собранием Франции в 1789 г.: «La liberté consiste à pouvoir faire tout ce qui ne nuit pas à autrui»[8] («Свобода состоит в возможности делать все, что не вредит другим») (перевод мой. – *О.Ш.*). В этом понимании свободы как свободы служения проявляется высшая степень идентичности, неоднократно в истории приносившая победу российскому оружию и спасавшая страну от порабощения, – и которое высокомерно трактуется рациональным западным человеком как склонность к рабству.

Сходное суждение, но уже по отношению к государству, служащее одновременно и предупреждением российским элитам, находим мы у И.А. Ильина. «Россия, – писал он, – росла и выросла в форме монархии не потому, что русский человек тяготел к зависимости или к политическому рабству, как думают многие на Западе, но потому, что государство в его понимании должно быть художественно и религиозно воплощено в едином лице, – живом, созерцаемом, беззаветно любимом и всенародно «созидаемом» и укрепляемом этой всеобщей любовью»[9]. Сегодня российское общество традиционно испытывает потребность в сильном централизованном государстве и всенародно одобряемом лидере. Но попытки апеллировать к этой потребности может давать желаемый эффект, только пока люди видят в государстве и лидере носителей высоких духовных смыслов, вдохновляющих ценностей идеологии, не вступающих в противоречие с ценностями культуры.

Эти особенности российской культуры наполняют идеологические ценности Запада, преподносимые как универсальные, общечеловеческие, – права и свободы человека, солидарность, – собственным содержанием, отличным от того содержания, которое вкладывает в них Запад. Эти отличия для наглядности сведены в табл. 1.

Нетрудно заметить, что в российской и в западной культурах понятия эти наполнены взаимоисключающими смыслами. Это означает, что последовательное навязывание западных ценностей, выдаваемых за «универсальные», способно разрушить ценности российской культуры.

Процесс этот уже идет, хотя и не так быстро, как хотелось бы некоторым авторам. Например, по результатам проведенного в 2021 г. Институтом социологии ФНИСЦ РАН общероссийского опроса сделан, в частности, вывод, что «…культурные характеристики российского общества таковы, что его нельзя однозначно причислить ни к обществу модерна, ни к традиционному обществу…» [Латова, 2022: 106]. И далее с сожалением: «российское общество пока еще только проходит стадию модернизации» [Там же]. На самом же деле, результаты этого исследования позволяют еще надеяться, что населяющие Россию этносы, и прежде всего являющийся государствообразующим русский народ, не утратили своей национально-государственной идентичности, основанной на ценностях культуры. Перспектива же зависит от государственной идеологии.

Современное российское государство, как и любое другое, представляет собой реализованный идеологический проект, опредмеченную идеологию. Так, в соответствии с его Конституцией, «человек, его права и свободы являются высшей ценностью»[10]. Некоторые юристы правильно относят содержание этой статьи к идеологическим концептам Конституции РФ [Хоружий, 2022: 15]. Тем самым человек ставится выше общества и государства. Столь либерального положения нет, к примеру, даже в конституциях США, Франции, ФРГ, Швеции… Уже в одной этой конституционной норме заложена откровенно либеральная идеология.

Что же касается оси «левые – правые», то по признаку заинтересованных социальных групп российское государство в своей деятельности отдает явный приоритет предпринимательскому «сословию» перед наемным работником как движущей силе развития общества и тем самым реализует идеологию «правых». Наиболее явный признак этого – отсутствие реально прогрессивного налога на доходы физических лиц,

[8] Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen de 1789 // Conseil constitutionnel. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/le-bloc-de-constitutionnalite/declaration-des-droits-de-l-homme-et-du-citoyen-de-1789 (дата обращения: 18.07.2023).

[9] *Ильин И.А.* О русской идее // Хронос: Всемирная история в интернете. URL: http://www.hrono.ru/statii/2009/ilin_rusidea.php (дата обращения: 18.07.2023).

[10] Конституция Российской Федерации. Ст. 2.

а также приоритетная поддержка предпринимательства, особенно крупного, в других форматах. В итоге, к примеру, прирост благосостояния долларовых миллионеров в России за 2000–2019 гг. был в разы выше, чем в Германии, Франции, Италии и других странах Европы [Ермакова, Илякова, 2022: 34]. Что же касается населения, то его реальные располагаемые доходы в 2020 г. снизились по сравнению с 2013 г. на 9,7%[11].

Можно сказать, таким образом, что государство РФ реализует противоречащий российской культуре праволиберальный идеологический проект. В этом идеологическом контексте понятна также антибольшевистская и антисоветская риторика должностных лиц российского государства, критика ими «левого» проекта. Смягчение этой идеологической заданности и целенаправленная работа по воспроизводству ценностей российской культуры являются необходимым условием компромисса между государственной идеологией и ценностями российской культуры.

Известно, что первостепенную роль в воспроизводстве ценностей культуры играет институт образования. Непрекращающаяся дискуссия вокруг него, начавшаяся со времен принятия Россией Болонской системы, к сожалению, не завершена до сих пор. Среди всех обсуждаемых проблем центральное место занимает проблема воспитания, формирования российского гражданина. Как правильно пишут авторы одной из публикаций, «из учебного процесса была элиминирована воспитательная функция, формирующая мировоззрение и определенные смысложизненные ценности, выражающие культурный национальный код России» [Мусаелян, Зырянов, 2022: 43]. Не случайно исследования последних лет выявляют в сознании молодежи тенденцию нарастающего ослабление чувства национальной идентичности и противопоставления образов России как государства и страны [Shabrov, Sashchenko, Hayat, 2021]. Сегодня образование выходит на первый план в решении проблемы национально-государственной идентичности, а с ней и устойчивости российского государства.

Фокус межгосударственного противоборства давно уже перенесен из военной и экономической сфер в сферу культуры. Так называемые «универсальные» ценности способны разрушить национально-государственную идентичность общества, а с ней и способность консолидироваться вокруг государства для защиты суверенитета, разрушить общественную систему без применения оружия. Наш отечественный мыслитель А.С.Панарин давно и очень точно подметил эту сторону современной политики западных государств: «Современный Запад рассчитывает… победоносно завершить экспансию модерна в мире, обратившись напрямую через голову культурных институций того или иного цивилизационного типа к эгоистическому индивидуалисту – потребителю… Не случайно модернизация и вестернизация знаменуются эффектами варваризации, нравственного одичания, всемирной криминальной революции» [Панарин, 2000: 22]. Теперь это уже политика не только «современного Запада», но и глобальных элит. Особую угрозу несет она России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При таких условиях роль политики российского государства в сфере культуры, а также его идеология становятся для России критически высокой.

Прежде всего это касается культуры. Политика в этой сфере должна носить скоординированный, надведомственный характер, а не сводиться к деятельности Министерства культуры, функции которого ограничены, в основном, искусством и которое, к тому же, нередко финансирует учреждения, несущие в сознание зрителей ценности, далекие от российской «культурной матрицы».

Соответствующим содержанием должна быть наполнена и деятельность других институтов, ответственных за социализацию граждан. В первую очередь, это – институт образования. Важно видеть в нем институт формирования национально-государственной идентичности, воспроизводства «культурной матрицы» и с этих позиций отнестись, в том числе, к обучению российских граждан за рубежом и с большой осторожностью подходить к привлечению на государственную службу и к управлению критически важными для России экономическими структурами тех, кто получал образование не в России. И, пожалуй, главное, – установление более тесной связи между поколениями, формирование уважительного отношения ко всем без изъятия периодам истории нашего общества. «Суть нашей миссии, – писал наш отечественный философ В.Н. Расторгуев, – преемственность во всех без исключения сферах жизнедеятельности, требующая самоотречения…»[12]. Народ, не почитающий собственное прошлое, не имеет будущего.

Для полиэтничной России необходима также ясно сформулированная государственная идеология, которая объединила бы нацию общими целями, отвечающими ценностям «культурной матрицы», и не вступала бы в противоречие с реальной государственной политикой.

[11] О динамике доходов населения в России // ИКСИ. URL: https://icss.ru/ekonomicheskaya-politika/drugoe1/o-dinamike-dokhodov-naseleniya-v-rossii (дата обращения: 20.07.2023).

[12] *Расторгуев В.Н.* Миссия России и миссия русского ученого: К 80-летию выдающегося русского мыслителя А.С. Панарина [Электронный ресурс] // Русская народная линия. URL: https://ruskline.ru/opp/2021/01/12/missiya_rossii_i_missiya_russkogo_uchenogo (дата обращения: 04.05.2022).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамонова О.А.*, *Осьмачко С.Г.* Культура и идеология: некоторые проблемы взаимовлияния // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 251–259.
2. *Ачкасов В.А.* Россия как разрушающееся традиционное общество // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 1. С. 171–184.

REFERENCES

1. *Artamonova O.A.*, *Osmachko S.G.* Culture and ideology: Some problems of mutual influence. *Upper Volga Philological Bulletin*. 2018. No. 4 (15). Pp. 251–259. (In Rus.)
2. *Achkasov V.A.* Russia as a collapsing traditional society. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2001. Vol. IV. No. 1. Pp. 171–184. (In Rus.)

3. *Виноградов А.В.* Россия в Евразии: между Китаем и Западом. Идентичность, идеология и геополитика // Контуры глобальных трансформаций. 2019. № 2 (12). С.228–246.
4. *Воеводина Л.Н.* Культура как идейная основа общества // Вестник МГУКИ. 2010. № 3 (35). С. 20–25.
5. *Ермакова Э.Р.*, *Илякова И.Е.* Распределение доходов и благосостояния в странах Европейского союза и России: сравнительный анализ // Финансы: теория и практика. 2022. № 1 (26). С. 24–40.
6. *Кантор К.М.* Социокультурные причины российской катастрофы // ПОЛИС. Политические исследования. 1996. № 3. С. 1–13.
7. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
8. *Капица С.П.* Глобальная демографическая революция и будущее человечества // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 42–54.
9. *Кирдина-Чэндлер С.Г.* Экономическая теория, идеология и экономический интерес // AlterEconomics. 2022. Т. 190. № 1. С. 71–92.
10. *Куркина Е.С.*, *Князева Е.Н.*, *Куретова Е.Д.* Циклическая динамика развития мир-системы // Сложные системы. 2013. № 3 (8). С. 4–50.
11. *Латова Н.В.* Социокультурные ценности российских горожан: модернизация vs традиционность // Terra Economicus. 2022. № 4 (20). С. 99–114.
12. *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 179 с.
13. *Лобазова О.Ф.*, *Давыдов А.Ю.* Национальная идентичность Руси IV–V веков: условия формирования и отличительные особенности // Актуальные вопросы современной науки. 2016. № 46. С. 37–46.
14. *Маршак А.Л.* Культура как основа современной российской идеологии: проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. № 4 (17). С. 503–512.
15. *Мусаелян Л.А.*, *Зырянов С.Г.* Глобальные вызовы России и некоторые проблемы системы отечественного высшего образования // Социум и власть. 2022. № 2 (92). С. 40–52.
16. *Най Дж.С.* Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / пер. с англ. В.И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2006. 206 с.
17. Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001.
18. *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2000. 352 с.
19. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997. 270 с.
20. *Пелипенко А.А.* Глобальный кризис и судьбы Запада. М.: Знание, 2014. 224 с.
21. *Пихтелёв А.М.*, *Шурманов В.С.* Осмысление феномена «интернет-культура»: теоретический анализ // Высшее образование для XXI века: Цифровая трансформация общества: новые возможности и новые вызовы. Доклады и материалы XVI Междунар. науч. конф.: В 2 ч. Ч. 1. М.: МосГУ, 2020. С. 203–206.
22. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или принципы политического права // Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998. 416 с.
23. *Селезнёва А.В.* Ценностные основания политических идеологий: политико-психологический анализ // Политическая наука. 2017. № 5. Спецвыпуск. С. 365–384.
24. *Урнов М.Ю.* Роль культуры в демократическом транзите // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С.5–17.
25. *Флиер А.Я.* Культура в идеологии // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 1. С. 101–109.
26. *Фрейд З.* К истории психоаналитического движения // По ту сторону принципа удовольствия. М.: Прогресс; Литера, 1992. 576 с.
27. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
28. *Хорунжий С.Н.* Конституционная идеология российской идентичности: самобытный баланс конституционно

3. *Vinogradov A.V.* Russia in Eurasia: Between China and the West. Identity, ideology and geopolitics. *Contours of Global Transformations*. 2019. No. 2 (12). Pp. 228–246. (In Rus.)
4. *Voevodina L.N.* Culture as the ideological basis of society. *Vestnik MGUKI*. 2010. No. 3 (35). Pp. 20–25. (In Rus.)
5. *Ermakova E.R.*, *Ilyakova I.E.* Distribution of income and welfare in the countries of the European Union and Russia: A comparative analysis. *Finance*: *Theory and Practice*. 2022. No. 1 (26). Pp. 24–40. (In Rus.)
6. *Kantor K.M.* Sociocultural causes of the Russian catastrophe. *POLIS. Political Studies*. 1996. No. 3. Pp. 1–13. (In Rus.)
7. *Castells M.* Information age: Economics, society and culture. Moscow: State University Higher School of Economics, 2000. 608 p.
8. *Kapitsa S.P.* Global demographic revolution and the future of mankind. *New and Recent History*. 2004. No. 4. Pp. 42–54. (In Rus.)
9. *Kirdina-Chandler S.G.* Economic theory, ideology and economic interest. *AlterEconomics*. 2022. Vol. 190. No. 1. Pp. 71–92. (In Rus.)
10. *Kurkina E.S.*, *Knyazeva E.N.*, *Kuretova E.D.* Cyclic dynamics of the development of the world-system. *Complex Systems*. 2013. No. 3 (8). Pp. 4–50. (In Rus.)
11. *Latova N.V.* Sociocultural values of Russian citizens: Modernization vs tradition. *Terra Economicus*. 2022. No. 4 (20). Pp. 99–114. (In Rus.)
12. *Lebon G.* Psychology of peoples and masses. St. Petersburg: Layout Publishing House, 1995. 179 p.
13. *Lobazova O.F.*, *Davydov A.Yu.* National identity of Rus IV–V centuries: Formation conditions and distinctive features. *Actual Issues of Modern Science*. 2016. No. 46. Pp. 37–46. (In Rus.)
14. *Marshak A.L.* Culture as a basis for modern Russian ideology: Problems and prospects. *Vestnik RUDN University. Series*: *Sociology*. 2017. No. 4 (17). Pp. 503–512. (In Rus.)
15. *Musaelyan L. A.*, *Zyryanov S. G.* Global challenges of Russia and some problems of the system of domestic higher education. *Socium and Power*. 2022. No. 2 (92). Pp. 40–52. (In Rus.)
16. *Nye J.S.* Flexible power: how to succeed in world politics. Translit. from English by V.I. Suprun. Novosibirsk: FSPI “Trends”, 2006. 206 p.
17. New Philosophical Encyclopedia: In 4 vols. Vol. 2. Moscow: Thought, 2001.
18. *Panarin A.S.* Global political forecasting. Moscow: Algorithm, 2000. 352 p.
19. *Parsons T.* The system of modern societies. Moscow: Aspect Press, 1997. 270 p.
20. *Pelipenko A.A.* The global crisis and the fate of the West. Moscow: Znanie, 2014. 224 p.
21. *Pikhtelev A.M.*, *Shurmanov V.S.* Understanding the Internet culture phenomenon: A theoretical analysis. In: Higher education for the 21st century: Digital transformation of society: New opportunities and new challenges. Reports and materials of the XVI International Scientific Conference: In 2 parts. Part 1. Moscow: MosGU, 2020. Pp. 203–206.
22. *Rousseau J.-J.* On the social contract, or the principles of political law. In: About the social contract. Treatises. Translit. from France. Moscow: KANON-press; Kuchkovo Field, 1998. 416 p.
23. *Selezneva A.V.* Value foundations of political ideologies: Political and psychological analysis. *Political Science*. 2017. No. 5. Special issue. Pp. 365–384. (In Rus.)
24. *Urnov M.Yu.* The role of culture in democratic transit. *Social Sciences and Modernity*. 2011. No. 6. Pp. 5–17. (In Rus.)
25. *Flier A.Ya.* Culture in ideology. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2020. No. 1. Pp. 101–109. (In Rus.)
26. *Freud Z.* On the history of the psychoanalytic movement. In: Beyond the pleasure principle. Moscow: Progress; Litera, 1992. 576 p.
27. Huntington S. Clash of Civilizations. Moscow: AST Publishing House, 2003. 603 p.
28. *Khorunzhiy S.N.* Constitutional ideology of Russian identity: Original balance of constitutionally protected values.

защищаемых ценностей // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 2 (24). С. 11–25.
29. *Shabrov O.F.*, *Sashchenko N.P.*, *Hayat M.* Education as an institution of national identity formation // SHS Web of Conferences. International Scientific and Practical Conference "Solovyov Historical and Philosophical Readings. Russian and Foreign Experience in the System of Humanities Education: History, Modernity, Prospects", 2020. Moscow, 2021. Pp. 1–6.

Grazhdanin. Elections. Power. 2022. No. 2 (24). Pp. 11–25. (In Rus.)
29. *Shabrov O.F.*, *Sashchenko N.P.*, *Hayat M.* Education as an institution of national identity formation. In: SHS Web of Conferences. International Scientific and Practical Conference "Solovyov Historical and Philosophical Readings. Russian and Foreign Experience in the System of Humanities Education: History, Modernity, Prospects", 2020. Moscow, 2021. Pp. 1–6.

Статья проверена программой Антиплагиат. Оригинальность – 85,45%

Статья публикуется по итогам Всероссийской научной конференции «**Дробижевские чтения: этническое и социальное измерения**», посвященная памяти Леокадии Михайловны Дробижевой, – советского и российского историка, этносоциолога, почетного доктора Института социологии РАН, Заслуженного деятеля науки РФ, лауреата Премии Президента Российской Федерации за вклад в укрепление единства российской нации, одного из авторов Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г. Организаторами конференции выступили ФНИСЦ РАН и Научный совет РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений. Конференция состоялась 1–2 июня 2023 г. на базе Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН).

Статья поступила в редакцию 22.07.2023, принята к публикации 16.08.2023
The article was received on 22.07.2023, accepted for publication 16.08.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шабров Олег Фёдорович, доктор политических наук, профессор; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Москва, Российская Федерация. SPIN-код: 6086-6371; ORCID: 0000-0002-8172-1023; E-mail: oshabr@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Oleg F. Shabrov, Doctor of Political Sciences, Professor; Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russian Federation. SPIN: 6086-6371; ORCID: 0000-0002-8172-1023; E-mail: oshabr@mail.ru